

УДК 323/324

UDC

DOI: 10.17223/18572685/50/9

«ПРАВДА» И «ПОСТПРАВДА» В РЕВОЛЮЦИОННО-ЦЕННОСТНОМ КОНФЛИКТЕ НА УКРАИНЕ

А.И. Щербинин¹, Н.Г. Щербинина²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: shai52@mail.ru

² E-mail: sapfir19@mail.ru

Авторское резюме

В октябре 2017 г. новый киевский Майдан напомнил украинцам, что революция не закончилась, что правда так и не восторжествовала, а добро не победило зло. Это дает повод рассмотреть важнейшее ценностное основание «правда», а также порожденную эпохой деконструкции «постправду» как вполне актуальные информационно-политические феномены. В данной работе с позиций Ж. Деррида показано, как «текст правды» теряет моральную универсальность и появляются читательские версии «постправды». В политической культуре постсовременности «правда» и «постправда» утрачивают знаковую антиподность, они равнозначны как смысловые феномены. «Правда», противостоящая «лжи», одновременно проявляет себя как атрибутивное свойство «нашего» (добра, истины и т. п.). «Чужое» наделяется свойствами зла, лжи. В эпоху частных обменов, «блогера как текста» «постправда» получает равные права с «правдой» на маркирование «наших» и врагов, добра и зла. Более того, в самой «правде», как показал М. Бахтин, кроется ее противоположность – ложь. Это касается официальной «правды», «правды сегодняшнего дня», лгущей о своем служении будущему. Отрицанием ее является «народная правда», воплотившаяся в революции. Рассматривая носителей этой «правды» на примере киевского Майдана, авторы обращаются к сравнению с революциями прошлого. Революционно-ценностный конфликт на Украине описывается в виде двух антитетических медиареальностей. Они репрезентировали стороны революционного символического противостояния в виде спектаклярного действия и военного героического поединка. Данная политическая форма деконструкции содержала ценностную подоплеку,

которая приобрела символическую динамику старого/нового, «смены правд», по Бахтину, и западного / восточного. Уже со времени первого Майдана «правда революции» трансформировалась в «постправду». Инверсивность ценностного конфликта на Украине проявилась в конструктивистской «недостаточности» моделируемой бинарной медиареальности. Вместо цельного текста «правды украинской революции» конституировались частные трактовки ее содержания. Сам Майдан как «текст» постоянно менял собственные версии, а попытки создания мифогероической политической конструкции сопровождались параллельными деконструктивными актами. В результате новый смысловой политический контекст не был создан, а революция с ее ценностным конфликтом упрочилась в качестве старого стереотипа. Значит, украинская революция, по сути, не завершилась.

Ключевые слова: деконструкция, «правда», истина, «постправда», революция, карнавал, Украина.

TRUTH AND POST-TRUTH IN THE REVOLUTIONARY AXIOLOGICAL CONFLICT IN UKRAINE

A.I. Shcherbinin¹, N.G. Shcherbinina²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: shai52@mail.ru

² E-mail: sapfir19@mail.ru

Abstract

In October 2017, the new Kiev Maydan reminded Ukrainians that the revolution was not over, that the truth had not triumphed, and the good had not taken over the evil. This gives grounds to consider the most important basic value of *truth* as well as the *post-truth*, generated by the era of deconstruction, as a relevant information and political phenomena. Drawing on J. Derrida, this research shows how the *text of truth* loses its moral universality to generate readers' versions of *post-truth*. In the postmodern political culture, *truth* and *post-truth* lose their benchmark antipodality and become equal as semantic phenomena. *Truth* confronting lies simultaneously manifests itself as an attribute of *ours* (good, true, etc.). *Theirs* is endowed with the properties of evil, lies. In the era of private exchanges, *blogger as a text*, *post-truth* has equal rights with

truth to label us and our opponents, the good and the evil. Moreover, according to M. Bakhtin, truth itself contains its opposition – lie. It concerns the official truth, *the truth of today* lying about its service to the future. Opposed to it is *people's truth* epitomised by the revolution. Considering the bearers of this *truth* through the example of the Kiev Maydan, the authors compare it with past revolutions. The revolutionary and axiological conflict in Ukraine is described in the form of two antithetic media realities. They represented the sides of the revolutionary symbolic confrontation in the form of a spectacular action and a military heroic duel. This political form of deconstruction contained an axiological motive, which acquired the symbolic dynamics of the old/new, *changing truths*, as termed by Bakhtin, and the western/eastern. Since the first Maydan, the *truth of the revolution* has been transformed into the *post-truth*. The inversion of the axiological conflict in Ukraine manifested itself in the constructivist *insufficiency* of the simulated binary media reality. Instead of a single text of the *truth of the Ukrainian revolution*, media constituted private interpretations of its content. The Maydan as a *text* constantly changed its own versions, while attempts to create a mytho-heroic political structure were accompanied by parallel deconstructive acts. As a result, a new semantic political context was not created, and the revolution with its conflict of values established as an old stereotype. Thus, the Ukrainian revolution, in fact, has not ended.

Keywords: deconstruction, truth, verity, post-truth, revolution, carnival, Ukraine.

В данной статье «правда» и «постправда» понимаются нами как информационно-политические феномены, репрезентирующие украинский конфликт в виде ценностного разлома. «Правда» в качестве одной из высших ценностей политической культуры вообще представляет собой субъективную концепцию, имеющую форму заслуживающего доверия знания. До недавнего времени «правда» уступала лишь «истине», которая объективно отражала действительную фактичность, соответствуя принципу «научности», либо была эманацией сверхценного сакрального Абсолюта. В сфере политико-информационной «правда» субъективная версия событий должна была положительно коррелировать с объективно фундированным истинным знанием и верифицированными фактами. При этом «правда» до сих пор означает в политическом смысле не только «правильное», соответствующее норме сущего, но и «лучшее», имеющее моральную коннотацию должного. Потому в отличие от неизменной и бесспорной истинной основы бытия «правда» всегда репрезентировала информационную вариативность и принципиальные воззрения в политических словопрениях. Отсюда «истина» в модерне отражала абстрактные божественные или научные всеобщие закономерности, а «правда» – конкретно конституированную смысловую целостность «текста».

Что же должна была нести людям политическая информация в период модерна? Заданный моральным императивом информационный посыл вынужденно демонстрировал «правдивую» версию событий, которые происходили в действительности. Субъективная трактовка информационного «текста» здесь демонстративно рационально соотносилась с объективностью самих фактов. Тем не менее «правда» в политике всегда помещалась в символическую рамку, оформляющую эмоциональное представление о мире, «свой – чужой». «Правда» обычно «своя», а «свои» всегда «правы». Отсюда следует неизбежная трансформация в мифосхему «добро – зло». Своя «правда» непременно «добро», а для «чужих» свойственны «неправда» или «зло», потому «чужие» неизбежно дезинформируют «нас» в процессе политической коммуникации. Особенно ярко данная символическая оппозиция эксплицируется в ценностных понятиях революционных конфликтов и их персонификациях, что случается во все времена.

В политической культуре постмодерна «истина» и «правда» были практически уравнены как относительные информационные феномены. «Истина» из информации, принятой на веру, превратилась в аналог «правды», версии смысловнесущей информационной конструкции «текста». Стало очевидным, что медиареальность никогда и не отражала объективной действительности и вместо «правды жизни» содержит симулякры и симуляции, знаки без референтов (Бодрийяр 2017: 61–66). Симулякры заведомо подделывают информационную реальность и иногда подают ее для восприятия более правдоподобной, чем то, что было на самом деле или чего не было вообще. Симулякр есть копия без оригинала: например, украинская революция представляет себя в виде аналога буржуазно-демократической революции, но конфликт социальных сил прошлого замещен ценностным расколом, конституированным в виртуальном мире. Так копия занимает место оригинала: конфликт ценностей скрывает, что социального переворота вообще не будет, а все, что есть, – постановочно. Здесь образ последней украинской революции отражает образ «демократической революции» как таковой, и возникает символ символа, а именно виртуальная реальность «последняя украинская революция», существующая в виде инсценированного «текста». Инсценируются не только события революции, ее знаки, но и ее смысл. С 2010 г. появляется термин «постправда», а в 2016 г. Оксфордский словарь назвал «постправду» «словом года» («Постправда». 2016). Состояние политической культуры, когда «истина» потеряла свою роль первоосновы знания, характеризуется взрывом превращенных информационных феноменов. В информационной сфере утвердились

фейковые новости, новости-фальшивки. В результате (как деконструкция журналистского расследования в духе модерна) появился постсовременный ревизионистский феномен «борьбы» с фейковыми новостями. К примеру, российские СМИ «разоблачаются» как главный поставщик фейковых новостей, что в свою очередь создает следующую фейковую новость из самого акта разоблачения. Такого рода активность подается в качестве предпосылки для гибридной войны на Украине (Федченко 2017).

В результате информационных пертурбаций в логике бинарных оценочных оппозиций «постправда» стала занимать в постсовременной медиасреде место «лжи». Получается, что раньше сообщали правдивую политическую информацию, а сегодня ее сменили потоки лживого дискурса. Но не все так просто и однозначно, а сложность ситуации имеет два аспекта выражения. Во-первых, политическая пропаганда прошлого открыто использовала ложные аргументы и фактоиды. Но, несмотря на это, мир пропаганды как смысловая реальность обладал собственной особой «правдой». На этот феномен указали К. Вашик и Н. Бабурина в исследовании плакатной коммуникации: «В данном контексте плакаты являют собой не доказательство исторической правды, и их нельзя судить по тому, насколько провозглашаемые ими идеи и цели соответствовали «истине», т. е. реальной политике. Плакаты – это визуальные заявления должного, а не сущего и относятся, таким образом, к тем «историческим истинам», которые зачастую резко расходятся с реальным опытом и переживаниями зрителей. Но то же самое относится и к современной изобразительной рекламе в целом: она знает, что лжет, и одновременно претендует на свою собственную правду» (Вашик, Бабурина 2004: 85). Таким образом, феномен «правды» в конструктивной информационной реальности артикулируется в виде особого «мира правды», и особенно заметны такие смыслонесущие конструкции в политической культуре модерна.

В чем же состоит трансформация постсовременных информационных феноменов? Выявить сущность их преобразования нам поможет метод деконструкции Ж. Деррида (Деррида 2000). «Деконструкция» служит для нас способом понимания ментального действия, разрушающего некую смысловую целостность, заданную авторским репрессивным началом, и образующего новый смысловой контекст. С позиции новоявленного прочтения символический смысл «текста правды» утрачивает моральную универсальность, потому и появляются читательские версии «постправды». Первое действие метода деконструкции, «разборки» конструкции «правды», включает «различение», т. е. выявление бинарной оппозиции. Правде в политическом

дискурсе противостоит «ложь», хотя по сути «ложь» противоположна «истине». Вообще-то лжи, сознательному обману должны противостоять «неправда», искреннее заблуждение и, вследствие этого, невольный обман. Как бы то ни было, «правда» и «постправда» как политические тексты могут образовывать бинарную оппозицию, если под «постправдой» понимать именно недостоверную (лживую) информацию. Сегодня такое распространенное толкование «постправды» свидетельствует о верности модернистским принципам понимания. Согласно терминам Деррида, подобное мышление задано логоцентризмом политических высказываний. Логоцентризм же, в свою очередь, выстраивает ценностную иерархию понятий: правда совершенна и высока, ложь ущербна и низка. Но в новом смыслополагании, идущем не от Логоса, а от текста («все есть текст», по Деррида), они ценностно уравниваются. «Правда» и «постправда» обозначают тот «реальный» смысл, который вкладывает в них читатель. Другими словами, читатель придает качество субъективной реальности и «постправде». Потому оба члена бывшей модернистской оппозиции не демонстрируют в политической культуре постсовременности знаковую антиподность, напротив, они равнозначны как смысловые феномены.

Далее мы подошли к этапу «инверсии», когда в силу смысловой перестановки сама по себе оппозиция терминов не просто потеряла ценностную значимость, а в условиях постсовременного консенсуса в отношении отсутствия монополии «правды» на истину стала невозможной. «Истинная правда» перевоплотилась в «постправду». «Правда» и «постправда» теперь не противостоят в политическом дискурсе как абсолютные феномены и архетипические репрезентации «добра» и «зла». Множественные «постправды», утратившие атрибут моральной исключительности авторской власти, приобрели информационную относительность как таковую. «Постправда» – всего лишь условная «правда» читателя. Перед нами частные интерпретации, прочитанные отдельные истории, лишенные героической конструктивной значимости и сопричастности безусловной Истине. Тем самым «правда» развенчивается в ходе операции деконструкции, а инверсия выражается в замене / подмене «правды» на «постправду».

Теперь понятие «постправда» манифестирует нам, что больше нет цельного текста «правды власти и народа», но существуют отдельные «постправды», и авторская инстанция власти сущностно уравнена со всеми текстами-интерпретациями и читателями. То есть как инверсивный информационный феномен «постправда» образует «текст» иного рода. Место идеологизированного «великого проекта», управляемой сверху макроконструкции занял прямой «текст», конституированный тем субъектом, который воспринимает информацию. В результате

субъект восприятия теряет качество реципиента и сам становится «текстом». Примечательно, что таким текстом-читателем, по сути, является и блогер-журналист. Он теперь не отвечает за истинность авторской информации, а просто имеет свое читательское мнение, которое передается в виде «текста-блогера» новым читателям, поскольку последние читают то, что и хотели прочитать. Так что текстуальность на основе «постправды» – не оригинал, а копия, которая не имеет референта в объективной действительности. Такого рода «текст» становится самореференциальным, он представляет лишь частную / частичную версию политической реальности, а не «кальку» официального доминирующего нарратива. То есть мир политики сегодня воспринимается в виде сериала или множества историй, рассказанных о политике. Люди верят тому из рассказчиков, чью историю они могут присвоить как прочитанный «текст». Конечно, при этом упорядоченная информационная конструкция власти, воздействующая на сознание своей архетипической силой принуждения, трансформируется в нагромождение частей из «разобранного» целого.

Так разрушается стереотипное не только представление об информационной реальности, но и научный постулат линейной магистральной коммуникационной деятельности. И возникает новый образ частных обменов. Тут-то и теряется терминологическая значимость противопоставления «правды» (истины, добра) и «постправды» (лжи, зла). Именно деконструкция должна дать возможность понять способ, посредством которого старое понятие «правды» переозначилось в нечто отличное от «правды» в новом информационном контексте. Реализация способа, на наш взгляд, состоит в функционально-коммуникативном замещении «правды» на «постправду». Функциональность подмены состоит в том, что одна схема интерпретации меняется на другую. Сама деконструкция политического гипертекста, связанного отсылками к прецедентному Тексту, и игра новых мини-текстов против иерархии старых знаков уравнивает «правду» и «постправду», но из хаоса различных частных смысловых феноменов обязательно возрождается космос и упорядочивается семиосфера. Так совершается рекомпозиция целостности и возникает новый мир (обновленные ценности и смыслы), который говорит на новом языке коммуникации, понимаемом семиотически. В данном ключе деконструкция есть процесс переворачивания традиционной политической иерархии, приводящий к более высокой оценке того, что ранее полагалось «низким» и подчиненным семиотическому «верху».

В каких же, собственно, формах происходит деконструкция политического мира значений? Главной формой деконструкции в политике, на наш взгляд, выступает «смеховая коммуникация», па-

ролирующая официальную власть, уничтожающая конструктивные каноны и навязанную ими картину мира. А способом существования и разновидностью самой смеховой коммуникации является, в частности, «революционный карнавал», превращающий политическую революцию в информационное шоу, сценой которому служит политическая реальность, данная для актуального переопределения противостоящим политическим акторам. Из революционного хаоса различных знаковых толкований и разлома цельных смысловых конструкций, идущего на смену прежней более или менее определенной политической реальности, рождается новый космос значений матричного типа. Можно назвать его и доминирующим «символическим универсумом», согласно терминологии П. Бергера и Т. Лукмана (Бергер, Лукман 1995). В случае образования такой матрицы смыслов символическая власть легитимного номинирования политической реальности присваивается официальным государственным «тестом». Тогда политическая власть конструирует «мир правды», смысловой мир, с которым увязаны все частные интерпретации. То есть любая успешная революция политически конструктивна.

Однако в последней революции на Украине хаос, вопреки ожиданиям, не сменился космизацией политического мира. А Майдан стал исторической формой деконструкции самой политической революции, очевидной пародией на возрождение мира, причем с элементами фарса. Украинская революция представляла собой симбиоз карнавальная самопрезентации как «жанра» и отдельных попыток мифологизации углубляющегося политического конфликта. Майдан и послемайданная политическая реальность Украины остались в состоянии организованного хаоса «постправд»: и революция, и политический миф не были завершены как смыслонесущий текст-конструкт. Политические апории «медиатекста Украина» были явлены, но новые интерпретации не найдены, потому что во многом революция свелась к имитации себя и отрицанию основ. Поиск нового, как мы понимаем Деррида, не является абсолютным нигилизмом и отказом от ментальных традиций, в противном случае «ищется то, неизвестно что». Традиция «конституирует» политические смыслы, а деконструкция их дополняет, переосмысливает. При этом деконструкцию нельзя возводить в абсолют, тогда революция действительно станет процессом ценностного обновления. Сегодня на Украине говорят о следующем Майдане, но возможная революция станет уже пародией на пародию, поскольку в предыдущем «разломе» последующая по ритуалу политическая конструкция (мир смысла) не воссоздана и деконструировать будет просто нечего. И копии украинских революций («постреволюций»?) могут множиться до бесконечности.

Методологический инструментарий нами дополнен синтезированной интерпретационной схемой на основе бахтинского подхода к феноменам правды, а также к революции как карнавалу. Последнее позволяет высказать сомнение в том, что связи правды и революции имеют характер побочной проблемы, увязываясь только в ценностном аспекте. А заодно и в прямолинейных выводах, согласно которым правда – это безусловное добро, а ложь – зло. Действительно, по Бахтину, ложь является наиболее современной и актуальной формой зла (Бахтин 1996а: 69). Но так ли добра правда? Правда – это всегда чьи-то мысли, чьи-то слова о предмете. Они официальные и внешние для человека. В них уже оценка, и эта оценка извне задается человеку.

В чем скрывающийся смысл правды сегодняшнего дня? В том, что он лжет о будущем. Выдавая себя за «службу будущего», он стремится сохраниться в нем (Бахтин 1996а: 67). И он навязывает эту официальную правду, заставляет в нее верить. Сегодняшняя правда превращается в официальную точку зрения, будучи «откровением», правда не была «откровенной» с человеком. Правда неизменно изо дня в день побеждала человека. «Она всегда что-то умалчивала, окружала себя тайной и, следовательно, насилием» (Бахтин 1996а: 67). Итак, правда становится официальным институтом подавления человека. Она холодна, она серьезна. Поэтому, продолжим мы, моральные основания недоверия к правде сегодняшнего дня могут превратиться в революционные действия. Антиподом такой правды становится то, что сегодня окрестили термином «постправда», а Бахтин, принимая разыскания в культуре, истории и литературе минувших веков, обратился к феномену карнавальности.

Бахтин в карнавале видит «смену правд». В набросках «О Маяковском» он вглядывается в правду революции: бывшая серьезность становится смешной, прежний страх – нестрашным. Новая правда утверждает себя в крике улицы, в уличном лозунге, в разоблачении лжи старой правды. Правда будущего уже не может быть лакированной утопией, будущее можно конкретно потрогать. Оно уже в настоящем, само настоящее при этом героизируется, легитимируя новую правду – правду революции (Бахтин 1996b: 50–52, 55).

Революцию очень удобно сравнивать с хаосом: институты, структуры, ценности и тому подобное претерпевают деструкцию, т. е. происходит разрушение социальных и политических конструкций. В какой-то степени это соответствует и механике глубинной смены социальной структуры на коммунитас, о которой писал В. Тэрнер, считая, что она представляет «самую суть» человеческой взаимоотношенности, «обладает экзистенциальными качествами», что коммунитас «сопровождается переживаниями небывалой силы» (Тэрнер 1983:

198). В данной связи не случайно на первое место среди множества частных конфликтов выходит непримиримый конфликт ценностей. Но при этом революция нередко воплощается в привлекательную коммунитарную (и коммуникативную) форму спектакля. Цель любого спектакля – нести радость, даже если это драма. Кен Нэбб свою книгу, посвященную событиям во Франции 1968 г., где революция предстает как спектакль, назвал «Радость революции» (Нэбб 2003).

Революция как «мир спектакля» делит общество на два воображаемых ментальных мира – старый и новый, версию и инверсию реальности. Так, А. де Токвиль сравнивает сконструированное литераторами воображаемое общество с надстройкой, в которой «все казалось простым и упорядоченным, единообразным, справедливым и разумным» (Токвиль 1997: 118). Это еще не сценарий, но уже идея спектакля. Сценарий напишут политики, а анонсируют в газетах, памфлетах, куплетах. Страсть к спектаклю усиливается, когда изображение толпы отвернулось от реальности старого общества с его рутинной правдой сегодняшнего дня, чтобы обратиться к новой правде, которую откроет им волшебный мир спектакля о будущем (Токвиль 1997: 118).

Чаяния нового мира пока носят самый общий характер, имея в своем знаменателе базовый концепт правды. По Токвилю, массовое сознание в этот момент на первый план выносит деструкцию: «...Горестные и торопливые искания лучшего приводят только к порицанию прошлого и мечтам о порядке вещей, совершенно противоположном существующему» (Токвиль 1997: 137). Прошлое для революции не только то, что минуло, но и что должно пройти. В первую очередь это касается «уже готовой, победившей, господствующей правды, которая выступала как вечная, неизменная и непререкаемая правда» (Бахтин 1965: 15). Например, в манифесте «перестроечного аудита» советского прошлого и настоящего, а также образов будущего – сборнике «Иного не дано» – последовательно ставятся вопросы: «Может ли правда быть поэтапной?» и «Перестройка: правда о социализме и судьба социализма» (Бовин 1988; Виноградов 1988). Логично, что судьба социализма ставится в зависимость от правды о нем, но заметим, что, как и в эпоху Великой французской революции, снова «утаенную» правду и правду-истину конструируют интеллектуалы. Перефразируя идеи Токвиля об истоках революции, отметим, что массы включаются в революцию не потому, что стали жить хуже, а потому, что им это объяснили, а в контексте нашей статьи – «открыли правду».

Переход от горестного к радостному сулит спектакль революции, революционный карнавал, выполняющий важную коммуникативную функцию. Сценарий его таков, что он охватывает весь мир,

редуцируя пространство и время, политические в первую очередь, до пространства революционной «сцены» и «времени» (а по бахтинскому хронотопу и объединяя их), в революционном спектакле: «Это подлинный праздник времени, праздник становления, смен и обновлений... Он смотрел в незавершимое будущее» (Бахтин 1965: 15). Революционный карнавал, согласно логике жанра, отрицал существующий режим, официоз в целом и официальные праздники, где «связь с временем была формальной, смены и кризисы были отнесены в прошлое» (Бахтин 1965: 14). Карнавал, напротив – продукт кризисов, он вскрывает их в прошлом и настоящем, доискиваясь до утаиваемой правды. Пафосом смен и обновлений, сознанием веселой относительности правд и властей проникнуты все символы и формы карнавального языка (Бахтин 1965: 16). *Но все это протекает в атмосфере враждебности* «всему готовому и завершенному, всяким претензиям на незыблемость и вечность» (Бахтин 1965: 16). Бахтин в противовес серьезной, устрашающей официальной правде-насилию неоднократно употребляет словосочетание «веселая правда о мире» как «иная правда», пишет о доверии народа к шутовской правде. Однако, в отличие от революционного карнавала, в собственно карнавале люди «понимали, что за смехом не таится насилие» (Бахтин 1965: 108–109).

Собственно, с этого момента мы можем говорить о различии карнавала как культурного феномена и революционного карнавала как явления, имеющего конкретные политические цели, продюсеров, сценаристов и режиссеров. Несомненной удачей последних является обращение к силам, кроющимся в коммунитас, массовом обществе и карнавале, как культурной форме презентации «народных настроений». Обратимся к карнавальной форме Майдана как символа украинской революции, фактически «пробного камня», на котором проверялись чистота идеи, народная правда. Он был зримым гарантом легитимности переворота. Поскольку революционный майдан в силу его режиссуры и спонсирования заинтересованными лицами оказался псевдокарнавалом, то на главные роли ими продвигались политические партии, лидеры. То, что годилось для переворота, становилось тормозом для государственного и народно-хозяйственного строительства. Майдан в Киеве претендует на контроль над новой властью, сохраняя при этом функционал и атрибутику революционного карнавала. Носители новой «правды» революции, явленной в ее спектакле, с недоверием относились к парламентским процедурам, лидерам, не прошедшим «боевое крещение» на майдане (Щербинин 2014). В данной связи партиям и лидерам недостаточно демонстрировать лояльность ритуально и символически. Дело в том, что карна-

вальная форма тяготеет к тотальности: «В самом деле, карнавал не знает разделения на исполнителей и зрителей. Он не знает рампы... Карнавал не созерцают, в нем живут и живут все, потому что по идее своей он всенароден... От него некуда уйти, ибо карнавал не знает пространственных границ. Во время карнавала можно жить только по его законам, то есть по законам карнавальной свободы. Карнавал носит вселенский характер, это особое состояние всего мира, его возрождение и обновление, к которому все причастны» (Бахтин 1965: 12). Но в нашем случае более существенным является то, что «в карнавале сама жизнь играет, разыгрывая... другую свободную (вольную) форму своего осуществления, свое возрождение и обновление на лучших началах» (Бахтин 1965: 12). И вот здесь, после сцены «Переворот», где отвергли старую правду вместе с режимом, логически должна идти сцена «Созидание», причем на новых началах. Проблема кроется в том, что будущее и новое – не одно и то же, о чем талантливо написал Борис Гройс (Гройс 2015). А новое можно предложить, когда ты ориентирован во времени. И опять время и пространство смыкаются в украинском спектакле: темное прошлое – это СССР / Россия, а светлое будущее – «це Європа».

Вторая проблема заключается в том, что для текучей политической формы, какой является революционный карнавал, устойчивые моменты – лишь ритуалы, тогда как разорвавшее пуповину государство творит законы и указы, политику в целом по своим извечным законам, уже не корреспондируя с топологически находящимся рядом, но отделенным стенами (и принятым) Майданом. И хотя ритуалы по-прежнему значимы для власти – как «важные творцы политических убеждений посредством постоянного использования ограниченного набора мощных символов, которые часто ассоциируются с эмоциональным жаром» (Kertzer 1998: 95), проблема политического суверенитета важнее. Карнавал как эмоционально заряженная субстанция весьма чуток к фальши, он осознает, что вновь возникают две правды – карнавальная правда «незавершимого / незавершаемого будущего» и официальная и институционализирующая правда новой власти. Именно в данный момент с новой силой прорывается «постправда».

Революционный спектакль, разворачивавшийся сравнительно недавно, актуален и поныне, в том числе и для исследователей. Его пытаются осмыслить в логике принятых социальными науками схем протеста, включая и теорию революции (цель, характер, движущие силы и т. п.). Как правило, выводы, основанные на такой методологии, чреваты просчетами и натяжками. По мнению Э. Ги Дебора, спектакль живет вне логики, он манипулирует смыслами, отрицает им

же провозглашенные ценности: «Власть спектакля может в равной степени отрицать все, что угодно, единожды и трижды, и заявлять, что она не будет больше говорить об этом, и объявлять что-то совершенно иное, прекрасно зная, что она теперь не рискует получить никакого иного ответа ни на ее собственной, ни на какой-либо другой территории» (Дебор 2000: 130–131). В нем логична любая нелепица, как, в частности, М. Саакашвили, экс-президент чужой страны, лишенный гражданства и на Украине, объявляющий себя рупором новой революции. Майдан как символ протеста принимает все, в нем логичны любые маски и импровизации революционного спектакля. Особенность Майдана-текста, как нам представляется, состоит в том, что выводимая им антитеза правды старой и правды новой не достигает конструктивной завершенности. Текст не дописан и потому не дочитан. Хаос революции не перешел в смысловой порядок, поэтому революция должна продолжаться.

И особенно наглядно эту мысль подтверждают попытки создания в ходе последней украинской революции мифогероических конструкций, которые позиционировались в виде «фактов» для выражения ценностного конфликта. Использование мифогероической модели обеими сторонами конфликта вызвано конститутивными задачами – формированием образа врага. В результате по принципу «отзеркаливания» и, по сути, антитетично выстраивались два героических мира. Сначала противостояние осуществлялось на самом Майдане, а затем затронуло и военный конфликт, вплоть до прихода к власти президента Порошенко. Каждый мир объявлял себя «правдой», полной смысла, а противостоящий мир – бессмысленным и лживым. Но конструктивное творчество с обеих сторон ограничилось демонстрацией разрозненных «мифоклипов». Непродолжительная и номинативная связь мифомотивов в формате «информационного клипа» исключала переход его в форму нарратива-конструкции, полной версии «героического путешествия» (Кэмпбелл 1997). Мифотворчество в данной связи демонстрирует типичный семиозис как номинацию, о смысле которой писал Ю.М. Лотман (Лотман, Успенский 2001: 527). Но в данной «номинативной» политической реальности не названо имя Героя, т. е. политического лидера, проходящего героический путь. Мифологизируемые персонажи «клипов» просто нарекаются «героями»: «герои Майдана» и «ополченцы-герои». Так возникают противостоящие героические воинства, поскольку само имя мифологично.

Единственной моделью для ценностно-конфликтного дискурса двух непримиримых «правд» выступает мифосхема «герой–враг». Герой не действует как самостоятельный политический актор и

выводится на сцену в силу своего сущностного противостояния врагу: «фашисты / антифашисты», «боевики / ополченцы». Термины, обозначающие врагов, например «фашисты» и «сепаратисты», презентируют как раз неприятие чуждых ценностей. Сама конструкция образа врага архетипична, и отличительным вражеским качеством выступает «лживость». Главные инспираторы большой лжи – «внешние враги», а «внутренние враги» – их лживые пособники, потому ни тем, ни другим нельзя верить. «Внешние враги» относятся к «чуждому» миру, а «внутренние» предают «свой» мир (Щербинина 2011: 229). Ценности врага полагаются антиценностями, стоящими вне культуры и цивилизации, потому и самому врагу отказывается в человеческой символизации. Символическую операцию преобразования человека в животное В. Боннелл считает деструктивной и поясняет ее смысл: «Искусство изображения врага – это, прежде всего, искусство трансформации человека во что-то нечеловеческое и представление его в форме, узаконивающей данную деструкцию или, по крайней мере, ущемление» (Bonnell 1999: 198). Со стороны украинской власти обесчеловеченный враг номинировался «колорадами». Для принижения врага жители Юго-Востока часто использовали выражение «бандерлоги», означавшее звериную бессмысленную жестокость. И если герой украинского антитетичного героического мифа не стал Героем-лидером, то враг был лишен дьявольского статуса Врага рода человеческого. Способом принижения символики врага стал смех: «колорады» и «бандерлоги» – это не персонажи серьезного поединка Героя со Злом, а смехотворные их деконструкции. Деконструкция как таковая лишает текст единства и подвергает «разборке» идею мифа – героическое спасение коллектива.

Из других мифоэлементов встречается мотив жертвенности героев. Это и «Небесная сотня», и «беркуты-мученики», и «мученики за федерализацию» и т. п. Героизм мучеников с обеих сторон подается традиционно как жертва в основание Нового Мира. В результате символически выстраивалось политическое пространство конфликта ценностей, а именно мир и антимир. Для Киева «мир» – это единая и неделимая страна, репрезентированная картой Украины. Но карта, согласно Ж. Бодрийяру, симулирует реальность даже репрезентации мира. Новый Мир уже рассыпается, еще не закрепившись в виде территории, а карта лишь скрывает, что мира Новой Украины, по сути, нет. Противостоит официальному проекту оппозиционный проект «Новороссия», носящий тоже виртуальный характер. Новороссия представляет собой некий вариант «государства правды». Но суть проекта не государственническая, а культурная. Прямое отношение к указанному ценностному конструкту имеет и актуализированное

в мифодискурсе конфликта понятие новой реальности «Русский мир», еще одно виртуальное культурное единство, стоящее в одном смысловом ряду со средневековыми понятиями «Славянский мир» и «Святая Русь». В ценностном ключе «правильный» и справедливый Русский мир противопоставляет несправедливости и «неправде» анти-русского мира.

Итак, очевиден ценностный стержень данной конфликтной коммуникации в контексте попыток конституирования героического мифа. Ценностный раскол, как и положено, артикулирует две параллельные системы ценностей, два «текста правды». Но сегодня данные версии «правды» существуют скорее как воспринятые множественные тексты, которые читают опять же люди-тексты. При этом ценностный вектор интерпретативной рамки обращен в антитетичное прошлое, а именно в период «советской оккупации» / Великой Отечественной войны. В прошлом оказывается и Лидер-герой, знаково выразительно отсутствующий в настоящем. Словом, Герой, космизирующий мир, не явился, но названы героеподобные участники революции. Потому ценностная иерархия героического политического мифа и мифологика его рассказывания не достраиваются до конца. Это не позволяло развить ведущую и смыслонесущую тему «спасения». И даже идеологически референтные образы Запада и России не давали возможности называния имени и осуществления потребной героической персонификации. В результате героический путь оказался не пройденным, а политический миф подвергся деконструкции, т.е. вместо смыслового единого мира «правды» образовались частные реальности «постправд». Миф как бы свернулся до «мифоклипа» поединка героя и врага.

Таким образом, прослеживается своеобразное нисхождение смыслового содержания украинской революции, которая, искусственно конструируя ценностный конфликт борьбы «правд», в результате деконструировала собственную сущность до процессирующего множественного копирования знаковых пародий на самое себя.

ЛИТЕРАТУРА

«Постправда» 2016 - «Постправда» стала словом года по версии Оксфордского словаря // Русская служба BBC.16.11.2016. URL: <http://www.bbc.com/russian/news-37995176> (дата обращения: 15.09.2017).

Бахтин 1965 - *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и ренессанса. М.: Худож. литература, 1965. 525 с.

Бахтин 1996a - *Бахтин М.М.* Риторика, в меру своей лживости... // Собр. соч. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1996. С. 63–70.

Бахтин 1996b - *Бахтин М.М.* К вопросам теории романа. К вопросам теории смеха. <О Маяковском> // Собр. соч. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1996. С. 48–62.

Бергер, Лукман 1995 - *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр, МЕДИУМ, 1995. 323 с.

Бовин 1988 - *Бовин А.Е.* Перестройка: правда о социализме и судьба социализма // Иного не дано. М.: Прогресс, 1988. С. 519–550.

Бодрийяр 2017 - *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М.: ПОСТУМ, 2017. 320 с.

Вашик, Бабурина 2004 - *Вашик К., Бабурина Н.* Реальность утопии. Искусство русского плаката XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 415 с.

Виноградов 1988 - *Виноградов И.И.* Может ли правда быть поэтапной? // Иного не дано. М.: Прогресс, 1988. С. 277–296.

Гройс 2015 - *Гройс Борис.* О новом. Опыт экономики культуры. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 240 с.

Дебор 2000 - *Дебор Ги.* Общество спектакля. М.: Логос, 2000. 184 с.

Деррида 2000 - *Деррида Ж.* О грамματοлогии / Пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.

Кэмпбелл 1997 - *Кэмпбелл Д.* Герой с тысящей лицами. К.: София Ltd., 1997. 336 с.

Лотман, Успенский 2001 - *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Миф – имя – культура: Статьи и исследования // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 525–543.

Нэбб 2003 - *Нэбб К.* Радость революции. М.: Едиториал, 2003. 144 с.

Токвиль 1997 - *Токвиль А. де.* Старый порядок и революция. М.: Моск. филос. фонд, 1997. 252 с.

Тэрнер 1983 - *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.

Федченко 2017 - *Федченко Е.* Во всех российских СМИ работают сотрудники спецслужб // IPG Международная политика и общество. URL: <http://www.ipg-journal.io/intervju/statja/show/vo-vsekh-rossiiskikh-smi-rabotajut-sotrudniki-specsluzhb-374> (дата обращения: 11.10.2017).

Щербинин 2014 - *Щербинин А.И.* Революционный спектакль: опыт и современная постановка // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 3 (27). С. 65–73.

Щербинина 2011 - *Щербинина Н.Г.* Мифогероическое конструирование политической реальности России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 287 с.

Bonnell 1999 - *Bonnell Victoria E.* Iconography of Power: Soviet Political

Posters under Lenin and Stalin. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1999. 363 p.

Kertzer 1998 - Kertzer David I. Ritual, Politics and Power. New Haven; London: Yale University Press, 1998. 235 p.

REFERENCES

BBC.com. (2016) "*Postpravda*" stala slovom goda po versii Oksfordskogo slovarya ["Postpraveda" has become the word of the year according to the Oxford Dictionary]. [Online] Available from: <http://www.bbc.com/russian/news-37995176> (Accessed: 15th September 2017).

Bakhtin, M.M. (1965) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i renessansa* [Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Bakhtin, M.M. (1996a) *Sobranie sochieniy* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow: Russkie slovari. pp. 63–70.

Bakhtin, M.M. (1996b) *Sobranie sochieniy* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow: Russkie slovari. pp. 48–62.

Berger, P. & Lukman, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Moscow: Academia-Tsentr, MEDIUM.

Bovin, A.E. (1988) Perestroyka: pravda o sotsializme i sud'ba sotsializma [Perestroika: The truth about socialism and the fate of socialism]. In: Sakharov, A., Zaslavskaya, T. & Lemeshev, M. *Inogo ne dano* [There is no other way]. Moscow: Progress. pp. 519–550.

Baudrillard, J. (2017) *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and simulations]. Translated from French by A. Kachalov. Moscow: POSTUM.

Vashik, K. & Baburina, N. (2004) *Real'nost' utopii. Iskusstvo russkogo plakata XX veka* [The Reality of Utopia. The art of the Russian poster of the 20th century]. Moscow: Progress-Traditsiya.

Vinogradov, I.I. (1988) *Mozhet li pravda byt' poetapnoy?* [Can the truth be gradual?]. In: Sakharov, A., Zaslavskaya, T. & Lemeshev, M. *Inogo ne dano* [There is no other way]. Moscow: Progress. pp. 277–296.

Grois, B. (2015) *O novom. Opyt ekonomiki kul'tury* [About the New. Experience of the Culture Economy]. Moscow: Ad Marginem.

Debord, G. (2000) *Obshchestvo spektaklya* [The Society of the Spectacle]. Translated from French by S. Ofertas, M. Yakubovich. Moscow: Logos.

Derrida, J. (2000) *O grammatologii* [On Grammatology]. Translated from French by N. Avtonomova. Moscow: Ad Marginem.

Campbell, D. (1997) *Geroy s tysyach'yu litsami* [The Hero with thousand faces]. Translated from English by K. Semyonov. Kiev: Sofiya Ltd.

Lotman, Yu.M. & Uspenskiy, B.A. (2001) *Mif – imya – kul'tura: Stat'i i issledovaniya* [Myth – Name – Culture: Articles and research]. In: Lotman, Yu.M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. pp. 525–543.

Knabb, K. (2003) *Radost' revolyutsii* [The Joy of Revolution]. Translated from English. Moscow: Editorial.

Tocqueville, A. de. (1997) *Staryy poryadok i revolyutsiya* [The Old Order and Revolution]. Moscow: Moskovsky filosofskiy fond.

Turner, V. (1983) *Simvol i ritual* [Symbol and Ritual]. Translated from English. Moscow: Nauka.

Fedchenko, E. (n.d.) Vo vsekh rossiyskikh SMI rabotayut sotrudniki spetssluzhb [Special services officers work in all Russian media]. *Mezhdunarodnaya politika i obshchestvo – International Politics and Society*. [Online] Available from: <http://www.ipg-journal.io/intervju/statja/show/vo-vsekh-rossiiskikh-smi-rabotajut-sotrudniki-specsluzhb-374> (Accessed: 11th October 2017).

Shcherbinin, A.I. (2014) Revolutionary performance: experience and modern production. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3 (27). pp. 65–73. (In Russian).

Shcherbinina, N.G. (2011) *Mifogeroicheskoe konstruirovaniye politicheskoy real'nosti Rossii* [Mytho-heroic design of the political reality of Russia]. Moscow: ROSSPEN.

Bonnell, V.E. (1999) *Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.

Kertzer, D.I. (1998) *Ritual, Politics and Power*. New Haven; London: Yale University Press.

Щербинин Алексей Игнатьевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Томского государственного университета (Россия).

Shcherbinin Aleksey – Tomsk State University (Russia).

E-mail: shai52@mai1.ru

Щербинина Нина Гаррьевна – доктор политических наук, профессор кафедры политологии Томского государственного университета (Россия).

Shcherbinina Nina – Tomsk State University (Russia).

E-mail: sapfir.19@mai1.ru